

Кирилл Зданевич. Т И Ф Л И С – М О С К В А

Светлана Хромченко

В С Т У П Л Е Н И Е

В последние десятилетия искусство авангарда изучают всесторонне, с академической подробностью и беспристрастностью. Филологи и искусствоведы препарируют стиль, метод, интенции и последствия явлений и событий почти вековой давности. Но в этих серьезных исследованиях зачастую исчезает образ самих авангардистов – живых, задиристых, непоседливых, остроумных людей. Они, несомненно, возрадовались бы своей нынешней славе, но, вероятно, с иронией восприняли бы «мраморные пьедесталы», высоко возносящие их над реальной жизнью.

В этом, не совсем академичном издании, сопровождающем первую персональную выставку К.М. Зданевича в Москве, художник предстает живым человеком.

В историю искусства Кирилл Зданевич вошел не только собственным творчеством, ярко отражающим специфику русско-грузинского авангарда, но и тем, что он был одним из открывателей гениального Нико Пиросманашвили, а в последствии собирателем его работ и биографом.

Творческое наследие самого Кирилла Зданевича, в силу обстоятельств, разделено между Грузией и Россией. В Тбилиси он родился, учился, работал в театре, расписывал стены артистических кабаре, оформлял книги. В Москве, и отчасти в Петербурге, благодаря брату Илье сдружился с радикально настроенной молодежью: Михаилом Ларионовым, Наталией Гончаровой, Михаилом Ле-Дантю и другими. С ними участвовал в выставках, в этой среде черпал силы для творчества. Короткие периоды работы в столице Франции сблизили Зданевича с художниками Парижской школы.

В 1930-е годы, переселившись с семьей в Москву, Кирилл Михайлович работал в книжных издательствах, но часто приезжал в Тбилиси, к родителям, продолжал сотрудничество с театрами. В 1949-м был арестован и после реабилитации вернулся к семье, уехавшей в Грузию. Со временем, получив в Москве небольшую комнату, он продолжал жить на два города, писал картины, правда уже оставив формальные эксперименты юности, работал над книгами о Пиросмани.

В каталог, помимо воспроизведений работ, часть которых зритель увидит впервые, вошли документы, архивные фотографии, воспоминания близких и друзей о событиях уже полувековой давности, а также письма, адресованные им, перешагнувшим порог семидесятилетия, Е.С. Абрамовой.

С Екатериной Сергеевной Зданевич познакомился в 1963 году в Москве, на выставке Нико Пиросманашвили. Встреча с яркой женщиной, в прошлом балериной Большого театра, в пору работы над книгой о Пиросмани показала Кириллу Михайловичу знаком судьбы и, возможно, воспринималась им как некая параллель романтической и легендарной любви своего героя к актрисе Маргарите. Неслучайно в одном из первых писем Зданевич признается: «Нас познакомил Пиросмани». Он часто обращается к Екатерине Сергеевне в третьем лице, как бы отстраненно, и даже сравнение ее с колибри использует в книге о Пиросмани для создания образа Маргариты.

Кирилл Михайлович подолгу жил в Тбилиси, где у него оставались жена Ольга Григорьевна, дети, внуки, и почти каждый день писал Екатерине Сергеевне. Эти послания, исполненные живого глубокого чувства, порой кажутся страницами из романа, порой – своего рода дневниками. В них художник не просто упоминает друзей, отмечает важные события и забавные подробности жизни – он поверяет бумажному листу, а через него и адресату, свои настроения, заботы, при этом слегка рисуясь и в то же время немного иронизируя над собой.

Письма важны еще и тем, что воскрешают атмосферу не слишком обеспеченной, но полной оптимизма, искрящейся весельем и творчеством жизни – тех подлинных интеллигентов начала XX века, в частности Тифлиских, в среде которых рождались и жили идеи, во многом определившие облик культуры всего столетия. Отраднo сознавать, что эту атмосферу многие смогли сохранить, не смотря на войны, политические репрессии и бытовые невзгоды. Для этих людей главными ценностями оставались человеческое достоинство, красота и сила чувств, внутренняя свобода. А дружеское общение, душевная отзывчивость, романтическое, рыцарственное отношение к женщине были естественны как потребность дышать.

Светлана Хромченко

КИРИЛЛ ЗДАНЕВИЧ.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ХУДОЖНИКА

«В Тифлисе привыкли почитать художественный талант как нечто само собой разумеющееся, обыденное, а искусство – за естественную часть повседневной жизни», - писал Илья Эренбург. В этом смысле Кирилл Михайлович Зданевич родился в семье типичных тифлисцев. Мать, Валентина Кирилловна, урожденная Гамрекелидзе, происходила из обедневшего имеретинского дворянского рода. Прекрасная пианистка, бравшая уроки у самого Чайковского, Валентина Кирилловна была и литературно одаренным человеком. Это она приучила детей вести дневники. Многочисленные друзья дома восхищались ее живым умом и спокойствием. Отец, Михаил Андреевич, - поляк, потомок участника восстания 1830-1831 годов, спасавшегося на Кавказе от репрессий, окончил Сорбонну с золотой медалью, знал несколько языков (европейских и восточных), преподавал французский язык в Первой Тифлисской гимназии. Семья Зданевич в полной мере впитала тот дух жизнелюбия, гедонизма, «устремленности ввысь», который помогает преодолеть драматические ситуации и составляет основу грузинского национального характера и национального образа мира. Оба брата, старший Кирилл и младший Илья, в семье получили мощный импульс творчества и оптимизма, определивший их дальнейшую жизнь.

Квартира Зданевичей (до них здесь жил персидский консул) размещалась на втором этаже типичного Тифлисского дома, сохранившегося до сих пор, хотя и перестроенного. Это был дом «...с большими запутанными деревянными террасами, выходившими во двор, с полутемными прохладными комнатами, с выцветшими персидскими коврами и множеством раскошей мебели.

<...> Из комнат Зданевичей с утра до позднего вечера доносились аккорды рояля, женское пение, чтение стихов и шумные споры и ссоры. По всем террасам и коридорам ходили, прихрамывая, голуби. Когда люди замолкали, весь дом глухо и страстно ворковал. Кроме того, во всех углах квартиры была слышна зубрежка французских склонений и спряжений. Это старик Зданевич – бывший учитель гимназии – занимался французским языком сразу с несколькими недорослями и

неучами. У всех недорослей, как на подбор, были унылые бубнящие голоса. Каждые полчаса, а то и чаще, где-то падала и разбивалась посуда. На место происшествия тотчас спешила хромая такса и долго лаяла на виновника этого события».

Помимо учеников в этот дом постоянно забегали друзья Кирилла и Ильи, молодежь живая и талантливая – Игорь Терентьев, Зига Валишевский, Ладо Гудиашвили, Колау Чернявский, Кара-Дарвиш, Тициан Табидзе, Григол Робакидзе, Василий Каменский. Без этих имен невозможно представить себе грузинскую и русскую культуру XX века. Их дружба, основанная на общности стремлений, амбициях, временами перерастала в соперничество, публично демонстрируемое, но зачастую иссякавшее достаточно быстро. Бывал у Зданевичей и Маяковский, когда оказывался в Тифлисе.

Братья получили основательное гуманитарное образование. Кирилл, проявивший интерес к изобразительному искусству, учился у художника Бориса Фогеля, преподававшего на курсах, организованных Николаем Склифосовским, где благодаря стараниям последнего, продуманная система классического художественного образования не подавляла творческую свободу питомцев. Достаточно сказать, что на курсах сформировались такие разные живописцы и графики, как Елена Ахвледзиани, Сигизмунд Валишевский, Серго Кобуладзе, Ираклий Гамрекели.

В 1910 году Кирилл уехал из Тифлиса с намерением поступить в Петербургскую академию художеств, но, сблизившись с авангардно настроенными сверстниками, вскоре ее оставил, решив податься в более прогрессивное Московское училище живописи, ваяния и зодчества, и уже год спустя принял участие в эпатажной выставке «Ослиный хвост».

Отец был настроен поддерживать авангардные поиски своих детей, хотя и бывал озадачен их результатами, отнюдь не всегда понятыми людьми его круга.

Но этим юным ниспровергателям художественных авторитетов было суждено совершить открытие, судьбоносное не только для них самих, но и для грузинской культуры в целом Михаил Ле-Дантю, который приехал в Тифлис сразу после вернисажа выставки «Ослиный хвост» вместе с Кириллом, также ее экспонентом, и был совершенно очарован колоритным смешением Востока и Запада, в письме к матери упоминает, что они «... со Зданевичем отыскивали одного несчастного живописца-самоучку. То есть собственно видели только его живопись. <...> Человек он прямо гениальный”. С этого времени судьба Пиросмани и его наследия контрапунктом соединяется с судьбой Кирилла Зданевича.

В 1910-20-е годы Кирилл Зданевич становится одним из ярких представителей тбилисской и московской художественной жизни. Он принимает участие в столичных авангардных выставках. Обучение, правда кратковременное, в Париже в 1913-1914 годах помогает ему набрать мастерства и дерзновения...

Летом 1914 года Зданевич мобилизован и уезжает в Грузию. Потом фронт, ранение в сражении под городом Сохачев, отпуск в Тифлисе, снова фронт, демобилизация и возвращение в Тифлис. В годы революции и Гражданской войны, когда культурная жизнь города стала особенно яркой и многогранной, Кирилл Зданевич – участник наиболее радикальных литературных групп «Синдикат футуристов» и «41°». Он оформляет книги грузинских и русских авангардистов, делает афиши к их публичным выступлениям, расписывает помещения артистических кафе «Ладья Аргонавтов» и «Фантастический кабачок», музыкальную студию Бендицкого, где проходят поэтические вечера и диспуты о путях искусства, на которые собирается авангардно настроенная молодежь. Зданевич

отзывчив на все новации и пластичен в выборе художественных средств. 5 ноября 1917 года он открывает выставку в подвале магазина «Blanc et Noir» на Головинском проспекте. Стилистические поиски 1912-1918 годов в итоге подводят его к идее синтезирования в станковом произведении различных приемов: объемно-пространственного и декоративного способов передачи действительности, кубофутуристических «сдвигов» и включению надписей. Этот синтез был назван «оркестровая живопись» и подразумевал использование широкого спектра стилей, являясь своего рода продолжением концепции «всечества», выдвинутой в 1913 году Михаилом Ларионовым, Михаилом Ле-Дантю и Ильей Зданевичем.

Диапазон творческих интересов Кирилла Зданевича этого периода достаточно полно отражают показанные на выставке наброски, зарисовки, эскизы, карикатуры, сохранившиеся в архиве Валерии Валишевской, первой жены Кирилла Михайловича. Возможно, они не всегда предназначались художником к экспонированию, но в них ярко ощутимы черты характера самого мастера, его отношение к жизни и творчеству. Здесь уверенные энергичные кубофутуристические композиции, блестящие по остроте портретной характеристики рисунки, как реалистические, так и гротескные. Среди моделей Зданевича – близкие люди: жена Валерия, ее мать, а также муза поэтов София Георгиевна Мельникова, которой посвящен альбом со стихами и рисунками. Не мало шаржей на посетителей кабаре, местных красавиц, поэтов.

Натюрморты из нескольких изящных сосудов или стеклянных бутылей, как бы сами собой, случайно, сложившиеся в пространстве их квартиры, выполнены тушью, акварелью. Цветными карандашами. Те же предметы угадываются в кубистических композициях среди дробящихся плоскостей и углов.

В тему города, излюбленную кубофутуристами, Зданевич вводит реальные «Тифлисские» черты. Дома громоздятся один над другим, словно карабкаются по склонам холмов, пространство между ними сродни узким петляющим улицам, на одной из которых даже помещена фигура человека, шагающего вверх, правда, через крыши домов. В облике зданий заметны архитектурные мотивы старого Тифлиса. Лейтмотивом другого «супрематического» пейзажа стал абрис горных вершин. Композиции решены декоративно, иногда даже гротескно, но при этом пластически убедительно.

Ряд рисунков выполнен в 1914 году, в краткий период работы в Париже, в мастерской Александра Архипенко. Тогда Зданевич познакомился со многими мастерами Парижской школы и организовал выставку, посетив которую Пикассо оставил на стене автограф и оценку: 5+. Рисунки скульптурны, формы тел подчеркнута геометричны. Объемы моделированы плотно и энергично, штриховкой. Кубистические деформации и гротеск, увиденные в скульптурах учителя, переносятся Кириллом на трактовку живой натуры, однако весьма причудливо, с юмором. Пафос авангардного формотворчества снижается и шуточными надписями.

К сожалению, Кирилл Зданевич далеко не всегда датировал свои работы, поэтому уточнить время их создания можно только в художественном и историческом контексте.

Несколько портретов и натюрмортов, приближающихся по методу передачи формы к «лучизму» Ларионовой и Гончаровой, могут быть датированы 1912-1914 годами, периодом. Когда оба мастера развивали свою систему беспредметной живописи.

Вероятно, к 1917 году относятся рисунки «Человек воздуха» и «Борцы». Именно тогда друг Зданевича, поэт, художник и авиатор Василий Каменский познакомился и подружился с Иваном

Заикиным, тоже авиатором и борцом, выступавшим в Тифлисе (они даже вместе появлялись на цирковой арене). «Изумительный мастер динамического рисунка», - характеризовал Каменский в своей автобиографии Зданевича.

В 1920-е годы Кирилл Михайлович много работает в театре, где благодаря замечательным режиссерам Коте Марджанишвили и Сандро Ахметели дольше сохранялись творческая свобода и возможности для экспериментов. Именно в театре присущие Зданевичу полистилизм, любовь к пластическим перевоплощениям, лицедейству находят благодатную почву. Если сравнить эскизы декораций и плаката к балету «Шехерезада» и опере «Золотой петушок» на музыку Н.А. Римского-Корсакова, эскизы испанских костюмов с другими, «супрематическими» декорациями и эскизами, то становится очевидным, как легко, с изрядной долей юмора и самоиронии мастер осуществляет эти превращения.

В этот же период Зданевич продолжает делать обложки и иллюстрации книг для грузинских издательств, сотрудничает с ЛЕФом, ядро которого составляли его друзья, бывшие футуристы, в частности, Маяковский. Оформление книжки «Что ни страница – то слон, то львица» можно считать одним из шедевров книжной графики того времени.

Не менее важным, чем достижения в русле авангарда, для судьбы Кирилла Зданевича оказалось пересечение с судьбой Пиросмани. С 1912 года братья начинают собирать материалы о жизни самобытного мастера, разыскивают его, по мере возможностей пытаются помочь уже тяжело больному художнику, приобретают его работы. Паустовский вспоминает, что в квартире Зданевичей, все «...комнаты, террасы и коридоры и даже кладовая и ванная от потолка до пола были завешаны картинами Пиросмани... а то, что не поместилось, было свернуто в рулоны и стояло в углах».

Статьями и выставками Зданевичи знакомят грузинскую и русскую общественность с творчеством Пиросмани. После отъезда Ильи в Париж в Грузии всем этим продолжает заниматься Кирилл.

В 1926 году он пишет одну из статей для первой коллективной монографии о Пиросмани и делает заставки к книге. Вскоре становится очевидным, что гениальный грузинский самоучка не вписывается в идеологическую парадигму социалистического реализма, равно как и его открыватели и почитатели. Авторы этой монографии и многие друзья Кирилла подвергаются арестам, репрессиям, трагически заканчивают свою жизнь. Не избежал репрессий и Кирилл. О годах, проведенных в лагере, он, по свидетельству близких, старался не вспоминать.

Освобождение, реабилитация и ослабление идеологического пресса в эпоху оттепели вернули художнику возможность работать, преимущественно в Грузии. Вместе с тем связи с Москвой, где много старых друзей, не прерываются. Зданевич сотрудничает с московским издательством, теперь уже как литератор, автор монографии о Пиросмани, не оставляет и занятия изобразительным искусством, лишь эпизодически, осторожно возвращаясь к формальным экспериментам юности.

В 1960-годы он, чуткий к художественным веяниям, отказывается от плотной, вязкой и аморфной живописной структуры полотен, характерной для двух предшествующих десятилетий, и переходит к большей декоративности, реагируя на новый стилистический вектор – лаконизм «сурового стиля». Техника гуаши позволяет работать крупными массами цвета. Однако «героика трудовых будней», важная составляющая стиля, в его искусстве практически отсутствует. Да и

в самой Грузии художников больше привлекают события героической национальной истории, чем пафос созидания новой жизни. В это время грузинская интеллигенция выступает, и достаточно успешно, за сохранение исторического облика Тбилиси.

Однако урбанистическая тема теперь меньше волнует Зданевича. Значительное место в творчестве занимает грузинский ландшафт, который практически не встречается в работах прежних лет. Художник пишет горы и долины то лирично, в нежной, голубовато-розовой гамме с тонкой живописной нюансировкой цвета, то энергично, «героизировано». В последних Кирилл Михайлович претворяет достоверный по своей сути мотив в композицию, организованную по принципу театральной декорации с подчеркнутыми контурами и локальными пятнами цвета.

Не менее увлеченно Зданевич пишет натюрморты. Практически в каждом грузинском доме можно было увидеть цветы и фрукты, традиционную крестьянскую керамику, благородную простоту и классичность форм которую всегда ценили художники. Хелады, чинчиры, пиалы, банки для мацони и солений komponуются в разных сочетаниях, при этом натюрморт не становится академической студией. Предметы порой «зависают» в пространстве, словно высыпаясь из рога изобилия, порой «вывесочной» выкладываются на вертикально развернутом блюде или поверхности стола. Они наделяются интенсивным цветом, который собирается, сдерживается черным или наоборот, светлым контуром, подчеркивается прозрачными синими «утренними» тенями. Композиции нарядны, праздничны. Они, в сущности, воплощают важное свойство грузинского характера, позволяющее находить радостные аспекты в повседневности и превращать жизнь в «спектакль счастья».

В Париже, во время недолгого пребывания у брата Ильи, Кирилл меняет стилистику работ. Сквозь Париж 1960-х Зданевич пытается разглядеть образы города своей молодости, когда столица Франции была мировым художественным центром и творческая жизнь кипела ключом. Он бережен к облику города, к его серебристой дымке. Поэтичная Сена с мостами и барками отчасти напоминает композиции Марке. Унылые стены жилых домов, видимые Зданевичем из окна, переливаются в работах жемчужно-серым. Плотная гуашь разбавляется водой, частично заменяется акварелью, богатой тонкими оттенками цвета. Формы «собираются» легким, подвижным темным контуром. Одни произведения написаны с натуры, другие – по зарисовкам уже после возвращения из Франции, но с ощущением непосредственного контакта с природой и нотками ностальгии.

Чтобы сохранять творческий настрой, внутреннюю свободу, Зданевичу, несомненно, требовались немалое мужество, стойкость и жизнелюбие. Он сберег наследие Пиросмани в те десятилетия, когда это входило в прямое противоречие с государственной политикой в сфере искусства. И позже создал грузинскому самородку литературный памятник – книги. В них не только собраны факты и теперь уже неотделимые от них легенды о творчестве Пиросмани, но и запечатлена удивительная атмосфера старого Тифлиса, ставшая, не без участия Кирилла Михайловича, устойчивой мифологемой в отечественной культуре.

Появление в Москве представленных в нынешней экспозиции произведений Кирилла Зданевича, выполненных 1960-е годы, напрямую связано с его работой над книгами о Пиросмани: одна часть была подарена редактору московского издания Ксении Геннадиевне Глonti, другая – Екатерине Сергеевне Абрамовой, с которой художник познакомился на выставке Пиросмани в 1963 году.

Издание приурочено к выставке:

КИРИЛЛ ЗДАНЕВИЧ. ТИФЛИС – МОСКВА

В Государственном музее Востока 20.06.2019 – 31.07.2019 г.

Куратор выставки: Светлана Хромченко

Экспонаты для выставки предоставили владельцы:

Наталия Абрамова, Петр Навашин, Нина Куриева (Глonti)

Издательство «Акварель»